

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя.

XIV ¹⁾.

головая судебная практика очень часто заставляет прибѣгать къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, сосредоточивая въ нихъ центръ тяжести дѣла и обращаясь къ содѣйствию *свѣдущихъ* людей, т. е. *экспертовъ* по разнымъ спеціальнымъ отраслямъ знаній, искусствъ или ремесль. Походя по *внѣшнему* своему положенію въ процессѣ на свидѣтеля,—подвергаясь, какъ и онъ, перекрестному допросу и отводамъ со стороны прокурора и защитника,—давая показанія подъ присягой, — по *внутреннему* значенію своихъ объясненій экспертъ очень отличается отъ свидѣтеля. Послѣдній говоритъ о томъ, что ему извѣстно по дѣлу, т. е. по обстоятельствамъ, касающимся подсудимаго и составляющимъ житейскую ткань разбираемаго случая, — экспертъ же даетъ заключеніе о томъ, что говоритъ ему его знаніе, опытъ и навыкъ о спорныхъ, сомнительныхъ или неясныхъ безъ его помощи объективныхъ данныхъ дѣла, совершенно независимо отъ ихъ отношенія къ виновности или невиновности заподозрѣннаго обвиняемаго или подсудимаго. Поэтому, въ предѣлахъ своего показанія, онъ является научнымъ судьей того матеріала, который имъ добытъ путемъ изслѣдованія, или подвергнуть его разсмотрѣнію. Конечно, его заключеніе не можетъ быть обязательнымъ для суда и отнюдь не является преду-

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

становленнымъ доказательствомъ, не подлежащимъ провѣркѣ или критикѣ. Въ распоряженіи суда нерѣдко находятся житейскія данныя и свѣдѣнія, которыя могутъ не только не сливаться съ выводами экспертизы въ одно цѣлое, но даже и прямо имъ противорѣчить на почвѣ логики фактовъ. Но, во всякомъ случаѣ, критика экспертизы должна быть строго обоснована—и къ труду эксперта, по большей части большому и требующему траты силъ и времени, надо относиться съ особымъ вниманіемъ. Научные выводы могутъ быть разнорѣчивы подъ вліяніемъ различныхъ методовъ и точекъ зрѣнія, но изъ того, что по словамъ латинской поговорки „Гиппократъ твердитъ одно, а Галліенъ другое“ не слѣдуетъ, чтобы мнѣніе каждаго изъ нихъ не заслуживало вдумчиваго къ себѣ отношенія.

Между экспертами, которыхъ мнѣ приходилось слышать на судѣ, первое и главное мѣсто занимали *судебные врачи*, мнѣніе которыхъ очень часто имѣло рѣшающее значеніе для дѣла. По широтѣ, научности и способу изложенія своихъ мнѣній они явственнo дѣлились на двѣ категоріи. Къ *первой* принадлежали уѣздные, полицейскіе и городовые врачи, старавшіеся обыкновенно вдвинуть свое заключеніе въ узкія рамки устава судебной медицины, содержащагося въ XIII томѣ Свода Законовъ. Не мудрствуя лукаво, стараясь выразиться по возможности кратко и въ терминахъ, принятыхъ въ законѣ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ отличались большой рѣшительностью выводовъ. Вызванные въ судебное засѣданіе, они упорно держались разъ высказаннаго взгляда и не любили подвергаться перекрестному допросу и въ особенности подробнымъ разспросамъ объ основаніяхъ своихъ выводовъ. Бывали, впрочемъ, случаи, когда такой врачъ, желая блеснуть ученостью, употреблялъ мало извѣстные или своеобразные термины, за что, если дѣло слушалось при участіи экспертовъ второй категоріи, о которыхъ я скажу ниже, ему подчасъ довольно больно доставалось отъ своихъ же ученыхъ коллегъ. Такъ я помню, какъ былъ растерянъ и сконфуженъ Валковскій уѣздный врачъ Скиндеръ, котораго по дѣлу объ убійствѣ Тараса Свинаря, совсѣмъ прижалъ къ стѣнѣ профессоръ Лямбль, допытываясь отъ него объясненія — что онъ разумѣлъ подъ словами „*tonsura potatorum*“, употребленными имъ при описаніи твердой мозговой оболочки убитаго. Не могу, впрочемъ, не признать, что почти всегда у этихъ скромныхъ провинціальныхъ работниковъ я встрѣчалъ добросовѣстный трудъ и желаніе послужить дѣлу правосудія безъ всякой предвзятой мысли или тенденціи. У меня было лишь одно столкновеніе, при наблюденіи за

слѣдствіемъ, съ такимъ экспертомъ во время бытности моей товарищемъ прокурора Харьковскаго окружнаго суда,—когда пришлось настоять на пощадѣ чувствъ осиротѣлой, плачущей семьи убитаго, уважительнымъ отношеніемъ къ его трупу, при производствѣ вскрытія въ крестьянской хатѣ.

Вторую категорію составляли профессора медицинскаго факультета и врачи-спеціалисты. Привычка большинства изъ нихъ къ преподаванію облегчала имъ дачу заключеній въ судебныхъ засѣданіяхъ и позволяла, не стѣсняясь въ словахъ для выраженія своей мысли, развивать ее съ научной широтой и глубиной. Очень часто, особливо въ первые годы судебной реформы, эти заключенія обращались въ цѣлыя ученныя лекціи, поучительныя для слушателей. Особеннымъ блескомъ, на моей памяти, отличались словесныя заключенія профессоровъ Харьковскаго университета, вызываемыхъ въ качествѣ экспертовъ. Я уже говорилъ, вспоминая мою прокурорскую службу въ Харьковѣ, о Душанѣ Федоровичѣ *Лямблѣ*. Слушать его образную, строго научную, богатую опытомъ и многочисленными примѣрами рѣчь было истиннымъ наслажденіемъ. Я не могу забыть его блестящихъ заключеній о признакахъ, теченія и исходѣ сотрясенія мозга,—его глубокой, всесторонней психіатрической экспертизы по дѣлу Андрусенка, обвиняемаго въ отцеубійствѣ, длившейся, при общемъ неослабномъ вниманіи, болѣе двухъ часовъ. Не менѣе содержательны были и экспертизы Вильгельма Федоровича *Грубе* по вопросамъ о поврежденіяхъ травматическаго свойства. Мнѣ кажется, что я и сейчасъ вижу предъ собою его умное лицо, бѣлокурые съ просѣдью волосы, мягкій взоръ его голубыхъ глазъ и слышу его точное и убѣдительное слово съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Воспоминаніе о немъ связано для меня съ дѣломъ объ убійствѣ ходатаемъ по дѣламъ Дорошенко извозчика Сѣверина, — дѣломъ, которое наглядно показало разницу между нашимъ старымъ и новымъ уголовнымъ процессомъ. Жившій въ подгородномъ селѣ Григоровкѣ, Дорошенко, вернувшись изъ Харькова съ имениннаго обѣда и, находясь, по характерному показанію одного изъ свидѣтелей, „подъ фантазіей“, разсердился на привезшаго его легковаго извозчика Сѣверина по поводу расчетовъ за ѣзду и нанесъ ему нѣсколько сильныхъ ударовъ въ лицо. Вернувшись окровавленный въ Харьковъ, Сѣверинъ заявилъ въ полицейскомъ управленіи жалобу на Дорошенко, впалъ затѣмъ въ горячечное состояніе, при чемъ ему въ бреду казалось, что его продолжаютъ бить въ Григоровкѣ, и черезъ двѣ недѣли скончался, придя на краткое время въ сознаніе и, сказавъ женѣ: „прощай, за мной пріѣхали“. Вопреки просьбѣ жены, поли-

цейскимъ врачомъ Щелкуновымъ было произведено вскрытіе трупа умершаго и заявлено присутствовавшимъ при осмотрѣ понятымъ, что „покойникъ умеръ отъ водочки“. Уѣздный исправникъ Танковъ посоветовалъ вдовѣ Сѣверина отправиться съ даннымъ ей письмомъ къ Дорошенкѣ и просить пособія, „если милость его на то будетъ“, а архивъ полицейскаго управленія обогатился новымъ дѣломъ о *скоропостижной* смерти Сѣверина, заключающимъ въ себѣ актъ вскрытія трупа и заключеніе врача съ обозначеніемъ, что покойному было шестьдесятъ лѣтъ, тѣлосложенія онъ былъ слабаго, различныя части мозга, мозговые оболочки и сосуды были найдены переполненными кровью, при чемъ существо мозга при разрѣзѣ представляло множество кровяныхъ точекъ, въ виду чего и принимая во вниманіе истощенныя стѣнки сердца, врачъ призналъ причиной смерти порокъ сердца. Такъ дѣло о „скоропостижной смерти“ послѣ двухнедѣльной болѣзни и заглохло, и г. Дорошенко, имѣвшій связи и покровителей въ нѣкоторыхъ кругахъ Харькова, продолжалъ пользоваться возможностью „бить всѣхъ извозчиковъ безъ исключенія“, какъ онъ самъ заявилъ одному изъ свидѣтелей по дѣлу. Черезъ мѣсяць послѣ смерти Сѣверина въ Харьковской губерніи была введена судебная реформа, и въ концѣ января 1868 года по „совѣту добрыхъ людей“ вдова покойнаго обратилась къ мѣстному прокурорскому надзору, принесла пропитанную засохшею кровью шапку мужа и заявила, что по словамъ понятыхъ врачъ Щелкуновъ ограничился лишь разрѣзомъ „живота“, а на замѣчаніе ихъ, что „коли потрошить, такъ ужъ всего“, крикнулъ: „молчать!“ и пригрозилъ арестомъ. Хотя очевидной связи между побоями, нанесенными Сѣверину, и результатомъ вскрытія, повидимому, не было, но намъ, молодымъ товарищамъ прокурора (покойному Моршкину и мнѣ), все это дѣло показалось подозрительнымъ, а рассказъ Сѣвериной представился заслуживающимъ довѣрія, и, по нашему общему соглашенію, рѣшено было начать слѣдствіе и вырыть изъ земли трупъ Сѣверина. Непосредственный результатъ этого превзошелъ наши ожиданія. Оказалось, что покойному было около тридцати лѣтъ, что онъ былъ умѣреннаго тѣлосложенія и что голова его вовсе вскрыта не была, мозгъ никакихъ кровоизліяній не представлялъ, сердце оказалось въ видѣ нѣсколькихъ разрѣзанныхъ кусковъ, носовая кость надломлена и расколота, а въ легкихъ чахоточныя бугорки. Допросъ многочисленныхъ свидѣтелей при слѣдствіи установилъ причинную связь между побоями, болѣзью и смертью—и я составилъ обвинительный актъ о преданіи Дорошенко суду за нанесеніе Сѣверину, безъ намѣренія причинить ему смерть, побоевъ, вызвавшихъ таковую (1464 ст. Улож. о наказ).

Грозившая Дорошенкѣ возможность осужденія и вѣроятность возникновенія вслѣдъ затѣмъ вопроса объ отвѣтственности исправника Танкова и врача Щелкунова очень взволновали ихъ многочисленныхъ друзей и создали цѣлую легенду о раздуваніи мною дѣла о невинномъ въ сущности человѣкѣ. Эта легенда, къ удивленію моему, повліяла и на вновь назначеннаго прокурора судебной палаты Писарева, который въ засѣданіи обвинительной камеры съ горячностью опровергалъ мой обвинительный актъ и предлагалъ прекратить дѣло. Но судебная палата съ этимъ не согласилась и передала Дорошенко суду присяжныхъ засѣдателей. Въ судебномъ засѣданіи въ защиту Дорошенко выступилъ цѣлый рядъ „досто-вѣрныхъ лжесвидѣтелей“, изъ показаній которыхъ явствовало, что чуть ли не самъ Сѣверинъ побилъ Дорошенка, и что найденное у послѣдняго при обыскѣ большое и тяжелое чугунное кольцо, которымъ могъ быть вооруженъ указательный палецъ кулака, нанесшаго поврежденіе носовой кости Сѣверина, обвиняемый носилъ не на правой, а на лѣвой рукѣ. Эксперты-профессора университета Питра, Лямбль и Грубе, признавая причинную связь между болѣзью Сѣверина и полученными имъ побоями, нѣсколько разошлись во взглядахъ на причину смерти. Первый находилъ, что она вызвана ослабленіемъ организма подъ вліяніемъ горячечнаго состоянія,—второй развилъ блестящую картину сотрясенія мозга,—а третій призналъ, что ударъ, сопровождавшійся переломомъ носовыхъ костей и обильнымъ кровотеченіемъ, причиненное имъ сильное душевное потрясеніе и быстро развившееся малокровіе должны были вызвать, какъ это показываетъ неоднократный научный опытъ, скоротечную прѣсовидную бугорчатку и смерть. На это разнорѣчіе экспертовъ особенно указывалъ въ своихъ объясненіяхъ защитникъ Дорошенко Боровиковскій, доказывая присяжнымъ, что экспертиза противорѣчитъ элементарнымъ правиламъ ариѳметики, по которымъ дважды два всегда есть четыре, а не пять и не три. Это заставило меня въ возраженіи своемъ просить присяжныхъ обратиться къ другому предмету школьнаго преподаванія—не къ ариѳметикѣ, а къ географіи и припомнить, что круглоту земли доказываютъ нѣсколькими способами, указывая на появленіе на горизонтѣ корабля, на затменіе луны и т. п., изъ чего однако не слѣдуетъ, что доказывающіе неправы. И въ этомъ дѣлѣ эксперты одинаково признаютъ смерть Сѣверина отъ побоевъ, нанесенныхъ ему въ Григоровкѣ, но только приходятъ къ своему единогласному выводу путемъ различныхъ соображеній, дѣлая его тѣмъ самымъ болѣе прочнымъ.

Я опасался, однако, что такое частичное разногласіе экспертовъ можетъ смутить присяжныхъ, и когда судебное слѣдствіе

подходило къ концу, не чувствовалъ нѣкоторой увѣренности въ томъ, что присяжные раздѣлятъ мой взглядъ и тѣмъ самымъ оправдаютъ то направленіе, которое я далъ слѣдствію по дѣлу. Въ моей впечатлительной молодой душѣ начинала зрѣть мысль о выходѣ въ отставку, такъ какъ оправдательный приговоръ присяжныхъ лишь послужилъ бы подтвержденіемъ мнѣнія главы прокуратуры, которой я былъ младшимъ членомъ, о томъ, что я „раздулъ“ дѣло, т. е., злоупотребилъ своимъ служебнымъ положеніемъ. Заключая судебное слѣдствіе, предсѣдатель суда Фуксъ обратился къ сторонамъ съ обычнымъ вопросомъ о томъ, чѣмъ желали бы онѣ дополнить дѣло. Вспомнивъ, то чугунное кольцо лежало предъ судомъ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, я просилъ предъявить его подсудимому и предложить ему надѣть таковое на руку. Обвиняемый снисходительно улыбнулся и, взявъ изъ рукъ судебного пристава кольцо, съ особыми усиліями и видимой натугой сталъ надвигать его на правый и лѣвый указательные пальцы. Кольцо не шло дальше второй фаланги лѣваго пальца и первой фаланги праваго. „Я очень пополнилъ послѣдніе годы, сказалъ Дорошенко,—и кольцо уже давно долженъ былъ снять“.— „Не могутъ ли эксперты—сказалъ я—опредѣлить, нѣтъ ли на рукахъ подсудимаго слѣдовъ недавняго ношенія кольца въ видѣ полоски, обыкновенно остающейся еще нѣкоторое время послѣ того, какъ кольцо снято?“—Дорошенко, по приказанію предсѣдателя, оставилъ скамью подсудимыхъ и вышелъ на середину залы передъ судейскимъ столомъ. Его окружили эксперты, защитникъ и судебный приставъ. Вдругъ на умномъ и красивомъ лицѣ Фукса выразилось изумленіе, онъ широко раскрылъ глаза, а затѣмъ многозначительно взглянулъ на меня. „Не угодно ли одному изъ экспертовъ дать заключеніе?“ сказалъ онъ. И передъ судейскимъ столомъ остались съ низко опущенной головою подсудимый и профессоръ Грубе.— „Прежде чѣмъ искать полоски отъ кольца,—произнесъ своимъ спокойнымъ тономъ Грубе,—мы попробовали надѣть кольцо на руку г. Дорошенко и нашли, что оно при медленномъ поворачиваніи свободно входитъ на весь указательный палецъ его правой руки, на которой есть еще слегка замѣтные слѣды пребыванія кольца“. И съ этими словами онъ взялъ правую руку Дорошенко и поднялъ ее вверхъ. На третьей фалангѣ указательнаго пальца правой руки чернѣлъ крупный чугунный перстень... Присяжные переглянулись между собою, и по лицамъ ихъ я увидѣлъ, что пренія сторонъ могли быть излишни. Дѣло было рѣшено въ обвинительномъ смыслѣ безповоротно...

Ученая экспертиза на судѣ имѣла, однако, въ мое время двѣ

нежелательныя особенности. *Первая* состояла въ томъ, что существовавшія внутри медицинскаго факультета разногласія и ученые распри, вольно или невольно со стороны экспертовъ, находили себѣ отраженіе въ ихъ объясненіяхъ на судѣ. Это особенно проявлялось въ Харьковѣ, гдѣ въ совѣтѣ медицинскаго факультета рѣзко обозначались разногласія между профессорами по вопросамъ, входившимъ между прочимъ и въ область судебной медицины. Въ провинціальномъ городѣ, въ то время (конецъ шестидесятыхъ годовъ), не имѣвшемъ и половины теперешняго числа обитателей, внутренняя жизнь университетской коллегіи легко становилась достояніемъ городскихъ слуховъ,—и свѣдѣніями о взаимныхъ отношеніяхъ профессоровъ пользовались обыкновенно защитники, прося судъ о вызовѣ такихъ экспертовъ, про которыхъ можно было предположить, что они, если только будетъ какая-либо возможность, не согласятся съ экспертами, вызванными со стороны обвинительной власти. Такъ, напримѣръ, Лямблю и Грубе обыкновенно противопоставлялись два ихъ завѣдомыхъ противника—и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соперника, и такъ какъ экспертовъ не удаляли, какъ свидѣтелей изъ залы засѣданія до допроса, а предоставляли имъ, съ согласія сторонъ, оставаться въ ней все время, почему они давали свои объясненія въ присутствіи товарищей, то на судѣ иногда происходили эпизоды, оставлявшіе довольно тягостное впечатлѣніе. Я помню, какъ однажды профессоръ Питра отказался отвѣчать на предлагаемые ему его же товарищемъ-оппонентомъ вопросы, яко-бы для выясненія его взгляда на дѣло, сказавъ: „Господинъ предсѣдатель, я пришелъ сюда давать заключеніе по судебно-медицинскимъ вопросамъ, но не держать вновь экзаменъ“.

Весьма страстную критику встрѣчала со стороны одного изъ профессоровъ, постоянно пререкавшагося съ Лямблемъ, экспертиза послѣдняго; не оставалось безъ острыхъ возраженій и начертаніе имъ въ примѣненіи къ нѣкоторымъ случаямъ картины сотрясенія мозга. По этому поводу мнѣ вспоминается слѣдующій случай. Занимаясь еще на университетской скамьѣ съ особенной любовью судебной медициной и слушая не только преподаваніе этой науки на юридическомъ факультетѣ, но и посѣщая вмѣстѣ со студентами-медиками лекціи профессора Мина (извѣстнаго переводчика Данте), я постоянно слѣдилъ за спеціальной литературой, поскольку она касалась судебной медицины и психіатріи. Наканунѣ слушанія дѣла о нанесеніи смертельныхъ ударовъ въ голову, крестьянину Павлу Калитѣ его братомъ Иваномъ Калитою, я купилъ только что полученный въ Харьковѣ выпускъ „клиническихъ лекцій“ Труссо со статьею о лѣченіи кровоизліяній въ мозгъ посредствомъ кровопу-

сканія. Въ этой статьѣ говорилось о коварномъ ходѣ сотрясенія мозга, дающемъ въ началѣ поводъ думать, что нанесеніе удара или ушибъ не повлекутъ за собою вредныхъ послѣдствій, такъ какъ получившій ихъ вскорѣ возвращается къ обычнымъ занятіямъ, жалуясь лишь на недомоганіе, которое, однако, затѣмъ постепенно усиливается и оканчивается смертью, какъ прямымъ послѣдствіемъ происшедшаго сотрясенія мозга. „Бываетъ,—говоритъ Труссо,—что во время сраженія воинъ, контуженный или оглушенный ударомъ, быстро приходитъ въ себя и продолжаетъ нести свои обязанности и лишь гораздо позже начинаетъ являть болѣзненные признаки и, наконецъ, погибаетъ. Только *неопытный хирургъ* не усмотритъ въ данномъ случаѣ несомнѣннаго сотрясенія мозга“. Я взялъ эту статью съ собою въ судебное засѣданіе и когда на Лямбля, изложившаго свой обычный взглядъ на *commotio cerebri*, попалъ нарочито вызванный защитой его противникъ, специалистъ по хирургіи, доказывая неосновательность и ненаучность его мнѣнія о коварномъ ходѣ этого поврежденія, я попросилъ его сообщить, извѣстенъ ли ему взглядъ на ходъ сотрясенія мозга такихъ великихъ хирурговъ, какъ Пироговъ и Нелатонъ. „Мнѣ не приходилось встрѣчаться съ ихъ мнѣніемъ, но я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что они не согласились бы съ мнѣніемъ профессора Лямбля.— А признаете ли вы авторитетнымъ мнѣніе Труссо? — не безъ коварства спросилъ я.— О, да, конечно!— Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ, съ разрѣшенія суда, прочесть одну страничку изъ его клиническихъ лекцій.“ — И я прочелъ. При словахъ *неопытный хирургъ* ученый свѣдущій челоѣкъ вспыхнулъ и съ раздраженіемъ воскликнулъ: „Послѣ этого я вамъ скажу, что самъ Труссо— неопытный хирургъ!“ — Присяжные, однако, согласились съ Лямблемъ.... и съ Труссо.

Другая особенность состояла въ томъ, что большая часть у экспертовъ знала по опыту или по наслышкѣ старый дореформенный уголовный судъ, его бумажное производство и главныхъ двигателей въ рѣшеніи каждаго дѣла—секретарей разныхъ ранговъ — которые въ вопросахъ судебной медицины не только ничего не понимали, но вовсе и не интересовались таковыми, особенно при доказанности событія преступленія. По отношенію въ виновнику въ ихъ распоряженіи былъ цѣлый арсеналъ совершенныхъ и несовершенныхъ формальныхъ доказательствъ, пользуясь которыми они всегда могли свести судьбу обвиняемаго на оставленіе „въ подозрѣніи“. Поэтому появленіе молодыхъ юристовъ, знакомыхъ съ судебно-медицинской литературой и имѣющихъ смѣлость не соглашаться, спорить и относиться въ публичной рѣчи

отрицательно къ выводамъ экспертизы, вызывало въ свѣдущихъ по судебной медицинѣ людяхъ въ первое время послѣ введенія судебной реформы нѣкоторое непріятное впечатлѣніе и высокомѣрное недоумѣніе. Для послѣдняго, впрочемъ, нерѣдко подавали поводъ и молодые дѣятели обновленнаго суда, приступавшіе къ судебной практикѣ не только со скуднымъ багажемъ знаній по части судебной медицины, но и съ поразительнымъ невѣжествомъ относительно строенія человеческого тѣла. Въ университетахъ большинство студентовъ юридическаго факультета относилось небрежно къ судебной медицинѣ, которая, по какому-то недоразумѣнію, не считалась въ числѣ главныхъ предметовъ юридическаго курса;—въ Училищѣ правовѣдѣнія эта наука долгое время находилась въ загонѣ, и мнѣ при чтеніи лекцій уголовного судопроизводства въ этомъ училищѣ съ 1876 по 1883 г. приходилось посвящать значительную часть курса ознакомленію моихъ слушателей съ элементарными судебно-медицинскими вопросами, которые ихъ ждали тотчасъ по поступленіи на службу;—въ Александровскомъ лицѣѣ, откуда тоже нерѣдко поступаютъ на судебную службу, судебная медицина не читается вовсе, и я знакомя съ нею слушателей въ моемъ курсѣ уголовного судопроизводства. Въ моей практикѣ встрѣчались случаи, когда эксперты первой категоріи, о которыхъ я говорилъ выше, вынуждены были признавать свое категорическое мнѣніе не только условнымъ, но и лишеннымъ твердыхъ основаній. Помню, какъ въ одномъ дѣлѣ экспертъ—полицейскій врачъ, на вопросъ мой, „почему при вскрытіи не были перевязаны имъ большіе сосуды сердца?“ наставительно сказалъ мнѣ, что это дѣлается исключительно при операціяхъ надъ живыми, на что долженъ былъ выслушать указаніе на Уставѣ Судебной Медицины, въ которомъ это перевязываніе предписывается въ главѣ о судебномъ осмотрѣ *мертвыхъ* тѣлъ, такъ какъ, будучи произведено на живомъ, несомнѣнно обратитъ его въ мертвое тѣло.

Такое же отношеніе къ прокурору, какъ къ чиновнику, которому нечего совать носъ въ область судебной медицины, гдѣ онъ ничего не можетъ понимать, встрѣтилъ я въ Казани въ первый годъ судебной реформы въ Казанскомъ округѣ. Первымъ дѣломъ, назначеннымъ къ слушанію съ присяжными, было дѣло объ убійствѣ посредствомъ отравленія и задушенія отставнаго рядового Бѣлова его женой и ея сожителемъ Каляшинымъ. Обвиненіе было построено на очень вѣскихъ косвенныхъ уликахъ и на томъ, что отъ дома убитаго до мѣста, гдѣ былъ найденъ его трупъ, шли явные слѣды перетаскиванія послѣдняго; въ желудкѣ же его былъ найденъ мышьякъ, а на шеѣ несомнѣнные слѣды удавленія. Всѣ эти данныя подкрѣплялись еще соображеніемъ, что Бѣловъ, много лѣтъ про-

ведшій на военной службѣ и потомъ сидѣвшій за кражу въ острогѣ, вернувшись домой, стѣснялъ и даже дѣлалъ невозможнымъ образовавшееся между отвыкшей отъ него женой и принятымъ ею въ домъ Каляшинымъ прочное сожительство. На судѣ было два эксперта: уѣздный врачъ, производившій вскрытіе трупа Бѣлова, и профессоръ судебной медицины И. М. Гвоздевъ. Въ мнѣніяхъ своихъ они разошлись. Гвоздевъ подробно высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы въ данномъ случаѣ было отравленіе и задушеніе, потому что въ трупѣ было найдено чрезмѣрно большое количество мышьяку—18 гранъ, а явленія, характеризующія задушеніе, могли произойти и отъ замерзанія и отъ смерти, вслѣдствіе крайняго опьяненія. Мнѣ пришлось вступить съ нимъ въ споръ, доказывая, что Бѣловъ, выпившій на чужой счетъ въ кабацѣ, но пришедшій домой и сѣвшій къ женѣ на лавочку, чтобы покурить, не могъ считаться мертвецки-пьянымъ, а въ разгарѣ лѣта, въ жаркіе іюльскіе дни, замерзнуть невозможно. Что же касается до чрезмѣрнаго количества мышьяку, то противъ моей ссылки на Каспера, Бухнера и Орфилу, находившихъ въ трупахъ отравленныхъ не только 18 гранъ мышьяку, но гораздо большее количество, въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 180 гранъ—Гвоздевъ не возражалъ. Обвинительный приговоръ присяжныхъ — среди которыхъ находились два профессора медицинскаго факультета,—произвелъ въ городѣ большое впечатлѣніе, а въ мѣстномъ медицинскомъ обществѣ вызвалъ цѣлую бурю негодованія противъ какого-то прокурора, который забылъ поговорку „знай сверчокъ свой шестокъ“ и позволилъ себѣ не соглашаться съ авторитетнымъ мнѣніемъ научнаго спеціалиста. Я прислушивался къ шуму этой бури спокойно, приписывая ее непониманію значенія эксперта на судѣ и зная, что въ концѣ концовъ былъ правъ я, а не мой ученый противникъ, такъ какъ на другой день послѣ приговора осужденные сознались товарищу прокурора, завѣдывавшему мѣстами заключенія, въ отравленіи Бѣлова и въ послѣдовавшемъ его задушеніи, потому, что отъ даннаго ему въ квасѣ яда онъ умиралъ слишкомъ медленно—и просили лишь отправить ихъ въ ссылку одновременно.

Съ тѣхъ поръ судьба судила мнѣ не разъ не соглашаться съ Гвоздевымъ. Добрый и прекрасный по душѣ человекъ, авторъ нѣсколькихъ интересныхъ монографій, Иванъ Михайловичъ Гвоздевъ имѣлъ своеобразный взглядъ на судебную медицину, который онъ не разъ высказывалъ и мнѣ. Эта наука обязывала, по его мнѣнію, судебного врача къ самымъ широкимъ сомнѣніямъ при ея практическомъ примѣненіи. „Широкія сомнѣнія умѣстны и желательны у судьи, по существу дѣла—возражалъ я,—но экспертъ, являясь научнымъ

судью факта, совершенно безотносительно къ значенію, которое будетъ придано этому факту судомъ, призывается для дачи суду категорическаго отвѣта и не можетъ говорить: я знаю, что я ничего не знаю“. Но онъ оставался при своемъ взглядѣ и настойчиво проводилъ его въ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ требовалась его экспертиза. Его настойчивый скептицизмъ оказывалъ вліяніе и на другихъ врачей, вызываемыхъ въ судебныя засѣданія. Тѣ, которые уже высказались при слѣдствіи опредѣленно, начинали колебаться, а представшіе предъ судомъ впервые нерѣдко начинали „jugare in verba magistri“ или, въ отсутствіе Гвоздева, не всегда удачно и умѣло подражать ему. Такъ случилось въ дѣлѣ извозчика Ковалинскаго, обвиняемаго въ убійствѣ, въ запальчивости и раздраженіи, своей любовницы Прасковьи Федоровой. По характерному показанію обвиняемаго, послѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ его связи съ Федоровой, онъ задумалъ жениться на знакомой дѣвушкѣ и „въ знакъ согласія“ получилъ отъ нея платокъ, который, будучи хмелень, показалъ Прасковью, съ объясненіемъ его значенія. На другой день она дала ему „опохмелиться“ стаканъ мутной водки, отъ которой онъ почувствовалъ „лютую тоску“ и сталъ постоянно плакать, будучи „не радъ вольному свѣту“ до такой степени, что хотѣлъ зарѣзаться. Внявъ затѣмъ уговору Прасковьи, онъ отослалъ платокъ назадъ, уплатилъ „за убытки отъ приготовленій къ свадьбѣ“ два рубля, и поклявшись предъ образомъ не разлучаться съ Федоровой, сталъ ее любить до крайности, тосковать по ней и „при каждомъ ея сердитомъ словѣ чебурахаться ей въ ноги“. Но по простствіи четырехъ лѣтъ она стала, по его выраженію, „тумашиться и громоздиться“, гулять съ солдатами и ходить въ „дешевку“. Послѣ цѣлаго дня ссоръ, примиреній и попойки въ кабацкѣ, содержаниемъ мѣщаниномъ Анонимовымъ (sic!), Ковалинскій усадилъ Прасковью въ свои дрожки и повезъ домой. Она рвалась къ звавшимъ ее солдатамъ, ссорилась съ нимъ. Такъ они выѣхали въ поле за 1/2 версты отъ Казани, и здѣсь, выпавъ вмѣстѣ съ нею изъ опрокинувшейся отъ крутого поворота пролетки, Ковалинскій, у котораго „загорѣлось сердце“, тяжелымъ желѣзнымъ колеснымъ ключемъ нанесъ ей страшные удары въ голову, разможжившіе черепъ на 50 осколковъ и разбросавшіе мозгъ, переломалъ всѣ ребра и ключицу, сломалъ подъязычную кость и т. д.—На судѣ обвиняемый угрюмо и кратко призналъ себя виновнымъ, сказавъ „мой—грѣхъ“, но одинъ изъ приглашенныхъ врачей, забывая очевидно, что „quod licet Jovi—non licet bovi“, совершенно неожиданно сталъ объяснять, что сомнѣвается въ томъ, чтобы Ковалинскій наносилъ ударъ живой женщинѣ, а не трупу, такъ какъ онъ предполагаетъ, что, упавши

съ пролетки, она такъ сильно ударила голову о мерзлую землю, что тутъ же лишилась жизни, а Ковалинскій неистовствовалъ уже надъ трупомъ. На обычное обращеніе предсѣдателя къ подсудимому о томъ, что имѣеть онъ сказать по поводу показанія эксперта, Ковалинскій вдругъ оживился и, обращаясь къ эксперту, сказалъ: „Ну, ужъ это вы напрасно изволите говорить, что я мертвую билъ: я на такое надругательство не согласенъ. А билъ я живую, потому что она всякую совѣсть потеряла и распутницей стала. Когда я первый разъ ее ударилъ, она завизжала и меня за палецъ больно укусила, тогда я ее въ другой разъ, а сколько разъ потомъ ужъ и вспомнить не могу, сильно выпивши былъ“.

При встрѣчѣ съ Гвоздевымъ, мы разговорились объ этомъ случаѣ, и я шутливо замѣтилъ ему, что благодаря его постояннымъ сомнѣніямъ, соблазняющимъ подражать ему, скоро по каждому дѣлу придется обязательно имѣть двухъ противниковъ: эксперта и защитника. „Вы увидите когда-нибудь—сказалъ онъ мнѣ,—что вы неправы, приписывая мнѣ односторонній взглядъ на мою задачу и возражая на высказываемыя мною сомнѣнія. Тамъ, гдѣ я буду убѣжденъ въ виновности, я не затруднюсь высказать категорическое мнѣніе“.— Вскорѣ намъ пришлось встрѣтиться на дѣлѣ, гдѣ самое событіе преступленія могло подвергаться сомнѣнію, такъ какъ можно было съ одинаковой правдоподобностью видѣть въ немъ убійство или самоубійство. Данныя въ пользу того и другого рѣшенія были довольно шатки. Одна и та же семейная обстановка лица, лишеннаго жизни, давала поводъ предполагать и корыстное лишеніе жизни съ цѣлью скорѣйшаго полученія наслѣдства и самоубійство вслѣдствіе отвращенія къ жизни, отравленной домашними дразгами. Данныя судебно-медицинскаго осмотра были вполне объективны и указывали лишь на способъ лишенія жизни, который одинаково могъ быть употребленъ своею и постороннею рукою. На впечатлительнаго Гвоздева, очевидно, подѣйствовала въ пользу предположенія объ убійствѣ развернувшаяся предъ нимъ на судѣ картина затаенной семейной ненависти, той усиленной и беспощадной ненависти, которая возникаетъ иногда между родными, какъ бы старающимися оправдать слова Писанія, рисующаго первое умышленное лишеніе жизни именно какъ братоубійство—и онъ склонилъ вѣсы своего заключенія въ пользу убійства, что было, конечно, тяжело его доброму сердцу. Но я не находилъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы видѣть въ этомъ случаѣ убійство и, стараясь всегда очень осторожно обходиться съ косвенными уликами, не чувствовалъ себя убѣжденнымъ въ виновности подсудимаго и потому, согласно 740 ст. Уст. Угол. Судопр., заявилъ суду, что отказываюсь .

поддерживать обвиненіе. Присяжные вынесли оправдательный приговоръ. Такъ и не пришлось намъ ни разу сойтись съ Гвоздевымъ во взглядѣ на дѣло, но тѣмъ не менѣе я сохранилъ теплыя воспоминанія о его благородствѣ, о чистотѣ его побужденій и о его обширныхъ познаніяхъ. Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ по оставленіи мною Казани, мы встрѣтились съ нимъ на Кавказѣ въ Ессентукахъ и, какъ это иногда бываетъ между старыми противниками, сердечно обрадовались другъ другу и много часовъ провели вмѣстѣ, съ улыбкой вспоминая наши былые споры, которые лишь способствовали всестороннему освѣщенію дѣла передъ присяжными. Съ грустью пришелъ я потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ поклониться его праху, праху живого свидѣтеля и участника свѣтлыхъ и счастливыхъ дней введенія судебной реформы, когда новая дѣятельность до глубины души захватывала тѣхъ, кто такъ или иначе приходилъ на служеніе русскому правосудію....

Въ моихъ воспоминаніяхъ объ освидѣтельствovanіи сумасшедшихъ ¹⁾ я уже говорилъ о психіатрической экспертизѣ. Воспоминанія эти довольно неутѣшительны, но было бы несправедливо думать, что у меня не сохранилось въ памяти и по этой части заслуживающихъ уваженія свѣтлыхъ образовъ. При экспертизахъ по дѣламъ, гдѣ у суда возникало сомнѣніе въ умственныхъ способностяхъ обвиняемаго, приходилось не только съ особымъ вниманіемъ прислушиваться къ объясненіямъ отца русской психіатріи Балинскаго и его учениковъ Дюкова, Мержеевского, Черемшанскаго, Чечотта и Сикорскаго, но и многому отъ нихъ поучаться. Глубокое знаніе не только своего предмета, но и жизни въ ея сложныхъ проявленіяхъ, всегда отличало экспертизу Балинскаго. Я не могу забыть до сихъ поръ нѣкоторыхъ изъ этихъ блестящихъ узоровъ на строгой канвѣ глубокаго опыта и вдумчивости. Я помню, какъ поразилъ онъ присутствовавшихъ по дѣлу объ одномъ злостномъ убійцѣ неповинной дѣвушки-служанки, который представлялъ полную картину двухъ видовъ душевной болѣзни, отчетливую до мельчайшихъ подробностей. Когда освидѣтельствованіе кончилось, и обвиняемый былъ уведень, Балинскій необыкновенно тонко разобралъ оба душевныхъ состоянія послѣдняго, указывая, что, теоретически говоря, онъ несомнѣнно страдаетъ душевнымъ разстройствомъ въ обоихъ видахъ, но что съ точки зрѣнія психіатрической практики оба эти состоянія совершенно исключаютъ одно другое и никогда не встрѣчаются вмѣстѣ, такъ что обвиняемый—чрезвычайно искусный притворщикъ, вѣроятно, изучившій по какой-нибудь книгѣ всѣ внѣшніе признаки своихъ

¹⁾ „Русская Старина“ 1907 г. № 2.

душевныхъ болѣзней, но, на горе себѣ, въ своемъ усердіи соединившій воедино несоединимое. Осмотромъ камеры обвиняемаго было обнаружено, что у него подъ тюфякомъ хранилась извѣстная книжка „о болѣзняхъ души“ Маудсли, тщательно, какъ видно было по отмѣткамъ, имъ изученная. Узнавъ о заключеніи Балинскаго и о найденной книгѣ, онъ разсмѣялся и сказалъ: „Ну, будетъ! довольно притворяться! надоѣло“... Не меньшею содержательностью, но пожалуй еще большею эрудиціей отличались заключенія Мержеевскаго. Объясняя и выясняя душевное состояніе обвиняемаго, онъ начиналъ съ широкой периферіи отдаленныхъ явленій и, постепенно суживая круги, дѣлалъ ихъ все ярче и ярче, и, наконецъ, сводилъ къ ясно выраженному и точно опредѣленному болѣзненному состоянію.

И сколькихъ изъ нихъ уже нѣтъ! Лямбль, Грубе, Питра, Гвоздевъ, Мержеевскій, Дюковъ, Балинскій, Черемшанскій... сколько воспоминаній о прошломъ возбуждаетъ во мнѣ каждое изъ этихъ именъ! Да будетъ имъ легка земля, говорю я съ благодарнымъ чувствомъ за то безкорыстное содѣйствіе, которое каждый изъ нихъ оказывалъ тяжелому дѣлу нелицепріятнаго правосудія.

Между *не медицинскими* экспертизами, съ которыми мнѣ пришлось ознакомиться на своемъ вѣку, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ художественная. Я разумѣю здѣсь не то, довольно частое, заключеніе свѣдущихъ людей объ оригинальномъ происхожденіи статуй или картинъ по дѣламъ, гдѣ возникало обвиненіе лица, сбывшаго подложную картину или статую, какъ произведеніе того или другого знаменитаго художника или скульптора. Въ этихъ случаяхъ сравненіе или сличеніе обращалось на технику исполненія, на особенности, свойственныя художнику, на его подпись, на состояніе полотна и красокъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на условные знаки, употребляемые художникомъ. Не разумѣю также и экспертизы археологической, направленной на установленіе дѣйствительности давняго происхожденія предметовъ древности, столь искусно поддѣлываемыхъ въ послѣднее время для опустошенія кармановъ не только легковѣрныхъ американцевъ, но иногда и хранителей Европейскихъ музеевъ, чему яркимъ примѣромъ служитъ извѣстная исторія съ тіарой скинскаго царя Сатаферна. Въ этихъ случаяхъ объектомъ изслѣдованія былъ неодушевленный предметъ, по поводу котораго выростала цѣлая гора техническихъ справокъ, историческихъ данныхъ и спеціальныхъ изслѣдованій. Но, во время моего пребыванія въ Берлинѣ въ 1885 году, мнѣ пришлось ознакомиться въ подробностяхъ съ дѣломъ, гдѣ огромную роль играла оцѣнка предъ судомъ *настроенія художника*, поскольку

оно выражается въ его произведеніи и почерпается изъ обстановки и условій его личной жизни. Сколько мнѣ извѣстно, это былъ первый и едва-ли съ тѣхъ поръ не единственный опытъ такого изслѣдованія черезъ свѣдущихъ людей. Я говорю о процессѣ извѣстнаго профессора Берлинской Академіи художествъ Грефа, — автора многихъ монументальныхъ картинъ, украшающихъ музеи Берлина, — обвинявшагося передъ присяжными въ клятвопреступленіи. Помимо спеціального интереса этого дѣла, веденіе его раскрыло съ особой яркостью тѣ недостатки отправленія уголовного правосудія въ Германіи, которые и четверть вѣка спустя не могли не вызывать по дѣлу князя Эйленбурга суроваго осужденія со стороны каждаго юриста, въ которомъ профессія не убила человѣчности.

Профессоръ Грефъ, почти семидесятилѣтній бодрый и отлично сохранившійся человѣкъ съ прекраснымъ выразительнымъ лицомъ и сѣдою бородою былъ виднымъ представителемъ нѣмецкаго художества въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Въ началѣ послѣднихъ въ Берлинѣ и въ другихъ большихъ городахъ Германіи сильное впечатлѣніе произвела его картина „Сказка“ (Märchen), изображавшая болотистую прогалину въ лѣсу, въ которой, ярко освѣщенная солнцемъ, стоитъ молодая дѣвушка, устремившая восторженный взглядъ на небо, при чемъ съ ея прекраснаго дѣвственнаго тѣла спадаютъ хвостъ сирены. Картина была очевидно написана en plein air, и изображенное на ней женское тѣло отличалось цѣломудренною чистотою античныхъ статуй. — Въ началѣ 1884 года художникъ Кречмеръ просилъ Грефа, взять въ натурщицы тринадцатилѣтнюю Елену Гаммерманъ, на несчастье ихъ обоихъ уже глубоко испорченную нравственно въ родной семьѣ, содержавшей балаганъ для фокусовъ. Вскорѣ Кречмеръ и Грефъ сдѣлались предметомъ вымогательства со стороны семейства натурщицы, подъ угрозой подать жалобу на постыдныя предложенія, которыя они, будто-бы, дѣлали малолѣтней Гаммерманъ. Требованія денегъ смѣнялись униженными просьбами, личныя свиданія — письмами, и дѣло кончилось тѣмъ, что, по жалобѣ Кречмера, мать Елены Гаммерманъ и ея вдохновитель и подстрекатель частный ходатай Кришенъ были приговорены за вымогательство на два года въ тюрьму. При разбирательствѣ этого дѣла въ качествѣ свидѣтеля былъ допрошенъ Грефъ и нѣкая Берта Ротеръ, служившая ему моделью для „Сказки“. На вопросъ предсѣдателя: — были ли между ними интимныя отношенія? — оба отвѣчали отрицательно и подтвердили свое заявленіе присягой, которая въ германскомъ процессѣ приносится не до, а послѣ дачи показанія. Прокурорскій надзоръ нашель, однако, что присяга дана ложно, и возбудилъ преслѣдованіе противъ Грефа и Ротеръ. На судѣ выясни-

лось, что послѣдняя происходила изъ нуждавшейся семьи и уже съ 14 лѣтъ состояла подъ надзоромъ полиціи, какъ проститутка. Узнавъ, что Грефу необходима натурщица для „Сказки“, она явилась къ нему въ 1878 году и служила моделью на открытомъ воздухѣ, въ особо нанятомъ лѣсномъ участкѣ на островѣ Рюгенѣ. Художникъ былъ недоволенъ своею работой и шесть разъ ее передѣлывалъ. Человѣкъ увлекающійся и идеалистъ, онъ восхищался Бертой, какъ моделью, удовлетворившей его художественный замыселъ, и радовался возможности доставленіемъ честнаго заработка поднять нравственно павшую, быть можетъ не по своей винѣ, дѣвушку. Онъ побуждалъ ее учиться, нанимая ей преподавателей и платя за нее на курсы новыхъ языковъ,—давалъ ей средства для путешествій,—помѣстилъ ее въ театральную школу,—добился принятія ея въ труппу драматическаго театра въ Бергѣ и съ горечью растался съ нею, когда она сошлась за два года до процесса съ богатымъ офицеромъ. Изъ взятой при обыскахъ ихъ переписки видно было, что онъ заботился о всемъ семействѣ Ротеръ, передалъ въ разное время матери Берты свыше двадцати тысячъ марокъ и помѣстилъ пансіонеркой на свой счетъ старшую ея сестру, страдавшую падучей болѣзнью, въ убѣжище для такихъ больныхъ. Онъ обращался къ Бертѣ на „ты“, посылалъ ей много стиховъ, въ которыхъ называлъ ее „дикой розой, обвившей старый дубъ“, „ароматнымъ цвѣткомъ“, „бѣлокуримъ дитятей“ и т. д. Она ему писала „вы“ и „профессорхень“. Просидѣвъ пять мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи, не отпущенный даже на поруки любящей женѣ и тремъ взрослымъ сыновьямъ, Грефъ предсталъ на судъ вмѣстѣ съ Бертой Ротеръ и здѣсь въ теченіе многихъ дней ему пришлось выпить чашу, тщательно наполненную всевозможной грязью свѣдѣній, добытыхъ изъ сомнительныхъ источниковъ,—выслушать свидѣтелей, повѣствовавшихъ о своемъ подслушиваніи и подглядываніи,—присутствовать при томъ, какъ мать любимой когда-то дѣвушки называла ее „профессорской дѣвкой“, а послѣдняя именовала свою мать „хищной тварью“,—изъ устъ предсѣдателя узнать, что его поэтическая вдохновительница и благоуханная роза съ 14 лѣтъ была посѣтительницею казармъ, получила билетъ на занятіе непотребствомъ и познакомилась съ секретнымъ отдѣленіемъ городской больницы—и, наконецъ, присутствовать при чтеніи своего собственнаго завѣщанія и особаго письма къ своимъ дѣтямъ, въ которомъ онъ просилъ ихъ простить ему его привязанность къ Бертѣ, отрицая въ этомъ чувствѣ неизменное вождельніе и оправдывая его необходимостью для художника имѣть предъ собою прекрасный образъ.

Предсѣдатель ландгерихта Мюллеръ, ведя судебное засѣданіе,

совершенно заслонилъ собою прокурора и предпринялъ ту „охоту на подсудимаго“, которою такъ любили, а можетъ-быть любятъ и до сихъ поръ заниматься французскіе президенты ассизовъ. Онъ—безъ французскаго остроумія, „но съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“—заставлялъ подсудимаго пережить и перестрадать каждое предъявленное противъ него доказательство, насмѣшливо и иронически относясь къ тѣмъ объясненіямъ, въ которыхъ тотъ отрицалъ чувственный характеръ въ своихъ стихахъ или письмахъ, адресованныхъ къ Бертѣ. Онъ безжалостно и грубо касался самыхъ сокровенныхъ сторонъ семейной жизни подсудимаго, исторгнувъ у него наконецъ признаніе, что его жена женщина больная и капризная. Когда этотъ почтенный представитель правосудія замѣчалъ, что на присутствующихъ производило хорошее впечатлѣніе то или другое заявленіе Грефа о его вѣрѣ въ искренность и душевную чистоту Берты и о его страстномъ желаніи сдѣлать изъ своей модели безупречную и честно трудящуюся женщину, онъ спѣшилъ бросить въ лицо подсудимому выписку изъ секретнаго дознанія о какомъ-либо эпизодѣ, который показывалъ, въ какомъ смрадномъ развратѣ утопала Берта до знакомства съ нимъ. Два раза со старикомъ Грефомъ дѣлалось дурно, и его истерическія рыданія оглашали залу суда...

Наиболѣе интереснымъ пунктомъ этого процесса была экспертиза.

Вызваннымъ въ судебное засѣданіе—художнику Дилицу и профессорамъ Эвальду, Вольфу, Гуссову и Юлію Лессингу—въ довольно сбивчивой формѣ предложенъ былъ рядъ вопросовъ, сводившихся въ сущности къ слѣдующимъ: а) допустимо ли, чтобы художникъ, увлеченный личностью своей натурщицы и видящій въ ней реальное осуществленіе своего творческаго идеала, находящійся при томъ съ нею въ постоянномъ, внѣ рабочаго времени, общеніи могъ не проявить по отношенію къ ней чувственныхъ стремленій и не вступить съ нею въ связь? и б) допустимо ли предположеніе такого цѣломудреннаго отношенія Грефа къ Бертѣ Ротеръ въ виду разсмотрѣнныхъ на судѣ вещественныхъ доказательствъ и полученныхъ свѣдѣній о расходахъ, произведенныхъ имъ на Берту и ея семейство?—Въ отношеніи перваго вопроса четыре художника, съ Лессингомъ во главѣ, высказали, что подсудимый, имѣя уже большую извѣстность, какъ историческій живописецъ, во второй половинѣ своей жизни сталъ увлекаться, со свойственной ему страстностью, писаніемъ портретовъ, стремясь найти идеальное по выраженію и очертанію женское лицо, чтобы воплотить его затѣмъ въ рядѣ создаваемыхъ имъ изображеній, подобно Рубенсу, который повторилъ лицо своей жены во многихъ своихъ карти-

нахъ ¹⁾. Въ этомъ онъ хотѣлъ идти по слѣдамъ лучшихъ мастеровъ времени ренессанса, влагавшихъ въ свои высочайшія произведенія черты дѣйствительно существующихъ людей и писавшихъ, такимъ образомъ, такъ сказать идеализированные портреты. Въ Бертѣ Ротеръ онъ нашелъ ту идеальную наружность, которую онъ искалъ для воспроизведенія ея въ рядѣ послѣдующихъ изображеній. Знакомство съ нею, по словамъ Лессинга, наполнило впечатлительнаго и довѣрчиваго Грефа величайшей радостью. Онъ говорилъ, что наконецъ достигъ того, о чемъ давно мечталъ для своихъ работъ, и восторгался при мысли о возможности писать Бертѣ гдѣ-нибудь въ уединеніи, на открытомъ воздухѣ, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи. По мнѣнію экспертовъ, присоединившихся къ Лессингу, увлеченіе натурщицей, какъ объектомъ для творчества, вовсе не связано съ чувственнымъ къ ней отношеніемъ. Работа художника, занимающагося своимъ дѣломъ, не какъ ремесломъ, а по глубокому призванію, исключаетъ для него возможность смотрѣть на обнаженное женское тѣло затуманенными чувственною страстью глазами. Гармонія линий, игра красокъ, распределеніе свѣтотѣни — вотъ что всецѣло привлекаетъ его взоръ. Поэтому въ большинствѣ случаевъ между художниками и ихъ постоянными натурщицами существуетъ нѣкоторая простота обращенія, отъ которой до связи еще очень далеко. Съ этимъ взглядомъ не согласился, однако, профессоръ Вольфъ, заявившій, что, не считая вообще Грефа способнымъ на клятвопреступленіе, онъ тѣмъ не менѣе думаетъ, что горячее увлеченіе художника своей натурщицей, при полной податливости съ ея стороны, должно неминуемо приводить къ интимной связи, въ особенности если этотъ художникъ обладаетъ при томъ страстнымъ темпераментомъ Грефа.

По отношенію ко второму вопросу тѣ же самыя лица высказали, что если натурщица въ такой степени удовлетворяла духовнымъ запросамъ творчества художника, что онъ считалъ ее средствомъ къ достиженію высшей ступени въ своемъ артистическомъ развитіи, то трудно установить мѣрило для возможныхъ на нее расходовъ, въ томъ случаѣ когда художникъ получаетъ крупное денежное вознагражденіе за свои работы и стремится развить, образовать и нравственно облагородить ту, чья физическая внѣшность дастъ могущественный толчокъ его творчеству. При этомъ они указали, что

¹⁾ Нельзя не отмѣтить, что то же самое замѣчалось долгое время въ произведеніяхъ нашего талантливаго художника К. Е. Маковского, въ картинахъ котораго на самыя разнообразныя историко-бытовые сюжеты постоянно повторялись черты одного и того же прелестнаго лица.

въ Римѣ и въ Парижѣ есть художники, которые требуютъ, чтобы излюбленная ими натурщица позировала исключительно имъ однимъ, отвергая всѣ приглашенія другихъ художниковъ, и за это, конечно, расходуютъ на нее довольно большія суммы.

По настойчивому требованію защиты присяжнымъ была предъявлена и самая картина, изображающая „Сказку“. Сначала этому воспротивился предсѣдатель суда, находившій, что хотя картина эта и была безпрепятственно обозрѣваема на выставкахъ, но что разсмотрѣніе ея въ присутствіи той, съ которой она написана, имѣетъ непристойный характеръ и не можетъ быть допущена въ интересахъ общественной нравственности. Въ концѣ концовъ судъ согласился на полезность какъ выясненія того, какой большой трудъ и напряженіе требовались отъ Берты Ротеръ для того, чтобы позировать съ изогнутымъ назадъ станомъ, опираясь на одну лишь ногу, такъ и провѣрки утвержденій Грефа, что обнаженное тѣло Берты изображено имъ съ идеальной, а не плотской точки зрѣнія. Поэтому онъ призналъ, что присяжные могутъ быть допущены къ осмотру картины, но „въ отдѣльной комнатѣ въ отсутствіе допрошенныхъ свидѣтелей“, при чемъ самая картина должна быть доставлена въ помещеніе суда и принесена въ эту особую комнату не иначе, какъ тщательно закрытая какой-либо непрозрачной тканью.

На-ряду съ приведенной выше экспертизой была произведена и другая, весьма своеобразная. При прочтеніи многочисленныхъ стихотвореній подсудимаго, отобранныхъ у Берты Ротеръ и взятыхъ изъ пакета съ завѣщаніемъ Грефа, присутствовали извѣстный критикъ Людвигъ Пичъ и писатель Поль Линдау, могущіе объяснить суду, насколько содержаніе этихъ поэтическихъ произведеній можетъ служить доказательствомъ интимной связи между подсудимыми. Предсѣдатель, плохо разбиравшій почеркъ Грефа, предложилъ ему самому читать эти стихотворенія, и послѣдній, блѣдный, какъ полотно, читалъ ихъ крайне волнуясь, сказавъ въ заключеніе прерывающимся голосомъ: „Ну да, я страстный человѣкъ. Но *без-страстный* человѣкъ никогда не можетъ быть художникомъ. Я умѣлъ сдерживать свои страсти и воспѣвалъ красоту не какъ реальную осязаемость, а какъ продуктъ поэтической фантазіи. Тѣхъ, къ кому влекутся съ неизменнымъ животнымъ вождедѣніемъ, не воспѣваютъ въ поэтическихъ образахъ“. При этомъ онъ прочелъ суду стихотвореніе, написанное имъ послѣ окончанія „Сказки“, въ которомъ онъ благодаритъ свое искусство, приучившее его видѣть прекрасное въ жизни, возносясь надъ ея пошлостью, итти по ступенямъ совершенствованія и поднимать изъ праха ту, которая дала свой ликъ его картинѣ, поднимать такъ высоко, какъ только

можетъ подняться его мечта. Онъ заключилъ свое чтеніе просьбою прочесть его письмо къ Бертѣ Ротеръ при посылкѣ ей крупной суммы денегъ, при чемъ эта жертва объяснялась предположеніемъ, что Берта никогда не допуститъ себя до низменнаго паденія и что предъ житейскимъ искушеніемъ она взвѣситъ, можно ли предпочесть исполненіе легкомысленнаго желанія чувству преданности своему вѣрному и заботливому другу. Насколько сохранилось въ моей памяти, мнѣніе Пича и Ландау сводилось къ тому, что поэтическія произведенія, въ которыхъ нѣтъ точныхъ фактическихъ указаній, могутъ служить лишь показателемъ настроенія автора или его идеаловъ.

Въ концѣ десятидневнаго моральнаго истязанія Грефа, едва-ли имѣвшаго что-либо общее съ цѣлями правосудія, присяжные, послѣ получасового совѣщанія, вынесли оправдательный приговоръ, несмотря на обращенную къ нимъ аллокуцію прокурора о томъ, что „если ужасно осужденіе невиннаго, то еще ужаснѣе оправданіе виновнаго“. Этому оригинальному юристу и представителю государственнаго обвиненія, очевидно, была неизвѣстна совершенно противоположная великодушная резолюція, поставленная слишкомъ за столѣть до его афоризма его соотечественницей, бывшей ангальт-цербстской принцессой.

Вообще надо сказать, что этотъ процессъ представилъ практическое осуществленіе прусскихъ приемовъ судопроизводства по возбуждающимъ особое вниманіе дѣламъ въ весьма печальномъ свѣтѣ. Я говорилъ уже о поведеніи предсѣдателя по отношенію къ подсудимому. Обращеніе со свидѣтелями было тоже своеобразное: они допрашивались безъ всякой системы и опредѣленнаго порядка, и предсѣдатель обращался къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ увѣщаніемъ, напоминающимъ шуточный Горбуновскій рассказъ о политическомъ процессѣ, въ которомъ духовное лицо, дѣлающее передъ присягой увѣщаніе свидѣтелямъ, напоминаетъ имъ, что „не токмо законъ гражданскій, но *даже* и Господь Богъ наказываетъ за ложное показаніе“. Предсѣдатель Мюллеръ говорилъ свидѣтелямъ: „подумайте о спасеніи вашей души: если вы о чемъ-нибудь умолчите или что-либо солжете, то это будетъ лжеприсяга, и вы за это отправитесь въ тюрьму“.

Въ свою очередь одинъ изъ защитниковъ называлъ, не будучи останавливаемъ предсѣдателемъ, Елену Гаммерманъ, вновь допрошенную на судѣ, „каналъей“ и утверждалъ, что и отецъ ея имѣетъ тѣ же характерныя свойства, такъ какъ достаточно услышать его отвратительный голосъ, чтобы получить явное доказательство его гнуснаго характера. Наконецъ, тяжеловѣсное краснорѣчіе сторонъ и неуклюжій языкъ предсѣдательскихъ разъясненій, несмотря на патріо-

тическіе походы противъ французскихъ словъ, пестрѣли именно этими словами, на-ряду съ нѣмецкими, напоминая замѣчаніе Бодлера— „il y a des mots qui hurlent de se trouver ensemble“. По свѣжей памяти я записалъ нѣкоторыя изъ нихъ: „er sollte sich schauuffieren“,—„ein Obscure Haus“,—„er giebt Feten“,— „mit Rigorosität ausschliessen“,—„er hat scharmiert“—„es ist sehr significant“ и т. п.

Оправданіе Грефа было встрѣчено радостно его семьей и съ большимъ сочувствіемъ общественнымъ мнѣніемъ. Но испытанія его не окончились. Черезъ день послѣ его оправданія нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ сообщили съ негодованіемъ, что вслѣдъ за прибытіемъ оправданнаго домой, къ нему явился книгопродавецъ Прейсъ, заявившій, что имъ уже приготовлено изложеніе только что оконченнаго дѣла съ весьма пикантными подробностями, портретами и картинками, но что, изъ уваженія къ чувствамъ семьи профессора, онъ готовъ отказаться отъ печатанія заготовленной книжки, если послѣдній немедленно уплатитъ ему полторы тысячи марокъ на покрытіе уже сдѣланныхъ расходовъ. Предпримчивому и вмѣстѣ чувствительному книгоиздателю была указана дверь. Но предварительное заключеніе, возбужденіе и способъ веденія дѣла и, наконецъ, вымогательства, приведшія его въ тюрьму и снова встрѣтившія его по выходѣ изъ нея, отравили Грефу существованіе въ Берлинѣ. Онъ скоро покинулъ этотъ городъ и переселился въ Мюнхенъ, гдѣ недолго прожилъ съ своимъ глубоко подорваннымъ здоровьемъ. Но передъ смертью, въ 1888 году онъ выставилъ картину, представляющую высоко художественный протестъ противъ того, чему его подвергли въ Берлинѣ, и въ защиту творческаго воображенія. Она называлась „Преслѣдуемая фантазія“ (Die verfolgte Phantasie). Въ ясное надъ сгустившеюся темнотою небо, изогнувъ назадъ свой изящный станъ, улетаетъ стройная молодая женщина, съ восторженно распростертыми руками и устремленнымъ въ высь взоромъ. Какія-то мегеры съ искаженными злобой лицами бессильно стараются ее удержать за легкое покрывало. Судья читаетъ ей смертный приговоръ, палачъ потрясаетъ цѣпами, куски грязи и навоза летятъ ей вслѣдъ...

Черезъ десять лѣтъ послѣ процесса, проѣзжая лѣтомъ черезъ Висбаденъ, я прочелъ въ мѣстныхъ объявленіяхъ о развлеченіяхъ, что въ маленькомъ театрикѣ Reichshallen представляются пластическія копіи съ извѣстныхъ картинъ и что въ „Сказкѣ“ Грефа позируетъ дѣвица Берта Ротеръ...

Нужно ли говорить о крайней шаткости и даже опасности второй изъ экспертизъ, которая была допущена по дѣлу Грефа. Самая

отправная ея точка неприемлема уже потому, что опредѣленіе реальности фактовъ, содержащихся въ поэтическомъ произведеніи обвиняемаго, и выводъ изъ нихъ о его виновности—немыслимы, ибо при этомъ необходимо совершенно забыть о роли фантазіи и этического настроенія. Когда „божественный глаголъ“ коснется чуткаго слуха поэта, онъ, по словамъ Пушкина, становится „смятенія и звуковъ полнъ“. Судить о впечатлѣніи поэтического произведенія, конечно, можетъ всякій одаренный чувствомъ и умѣющій ясно о немъ мыслить, но отдѣлить фантазію отъ дѣйствительности не можетъ никакой экспертъ. Да экспертиза тутъ и не нужна. Если судья можетъ судить о томъ, оскорбляетъ ли какое-нибудь произведеніе чью-либо честь или доброе имя, не нуждаясь въ помощи экспертовъ,—если онъ призванъ судить о безнравственности произведенія, то и о содержаніи поэтического произведенія онъ можетъ судить самъ. Въ предсмертномъ стихотвореніи: „О, муза, ты была мнѣ другомъ“... Некрасовъ говоритъ о „волшебныхъ грезахъ“. Какъ же можно втиснуть эти „волшебныя грезы“ въ предѣлы экспертизы? Если по отдѣльнымъ стихамъ судить о самомъ поэтѣ, то противъ cadaго изъ нихъ можно легко составить цѣлый обвинительный актъ. Допускать такую экспертизу нельзя. Она невозможна и по субъективности выбора экспертовъ. Какой поэтъ можетъ быть компетентнымъ судьей другого поэта? Разсѣканіе поэтическихъ образовъ и мысли холоднымъ оружіемъ судейскаго анализа принесетъ только вредъ истинному правосудію.

Долгое время наиболѣе прочно поставленной экспертизой послѣ медицинской считалась экспертиза *каллиграфическая*. Она и встрѣчалась чаще всего, главнымъ образомъ по дѣламъ о подлогахъ различныхъ документовъ, и играла нерѣдко рѣшающую роль. Иностранная практика представляетъ блестящіе примѣры такой экспертизы. Достаточно вспомнить громкое дѣло о вымогательствѣ эмигрантомъ княземъ Петромъ Долгорукимъ пятидесяти тысячъ франковъ у князя Воронцова подъ угрозой въ сочиненіи о русскомъ дворянствѣ провозвести его родъ отъ какого-то проходимца, жившаго въ XVII вѣкѣ. Вымогательное требованіе было написано въ третьемъ лицѣ на отдѣльномъ листкѣ, вложенномъ въ письмо самаго корректнаго содержанія, подписанное Долгорукимъ. Оба документа были написаны на разной бумагѣ, разными чернилами и совершенно разнымъ почеркомъ. Но каллиграфическая экспертиза при парижскомъ судѣ въ окончательномъ своемъ выводѣ признала, что и то и другое исходятъ отъ князя Долгорукаго. Искаженіе почерка въ вымогательной запискѣ было произведено въ совершенствѣ, но привычка писать А съ ушками, на подобіе нѣмецкаго готическаго, свойствен-

ная Долгорукову, взяла свое и въ концѣ записки нѣсколько разъ появились предательскія ушки, за которыя и самъ писавшій былъ вытащенъ на свѣтъ Божій. Въ моей практикѣ такая экспертиза встрѣчалась нѣсколько разъ. Въ дѣлахъ игуменіи Митрофанія ¹⁾, княгини Щербатовой и Маргариты Жюжанъ ²⁾, обвиняемой въ отравленіи своего воспитанника, она играла очень важную роль. Въ послѣднемъ дѣлѣ имѣлъ серьезное значеніе анонимный доносъ приписываемый обвиняемой и адресованный градоначальнику, съ извѣтомъ на семью Познанскихъ, въ которой Жюжанъ была воспитательницей. Экспертъ, учитель чистописанія Буевскій, изучая строки этого доноса, оставилъ старый способъ *сличенія очертанія буквъ* и путемъ сравненія несомнѣннаго почерка Жюжанъ представилъ блестящую характеристику *привычекъ* писанія—одинаковыхъ у нея и у автора доноса. Иногда такая экспертиза направлялась на изученіе свойства почерка, какъ это было, на примѣръ, по громкому дѣлу Мясниковыхъ, обвиняемыхъ въ подлогѣ милліоннаго завѣщанія отъ имени купца Бѣляева. Свѣдущіе люди высказали, что дрожащій почеркъ, которымъ сдѣлана подпись Бѣляева на завѣщаніи, не можетъ принадлежать обвиняемому въ этомъ Караганову, имѣющему почеркъ твердый. Съ такимъ заключеніемъ я, исполняя обязанности обвинителя, не могъ согласиться, находя, что дрожащій почеркъ можетъ явиться результатомъ вполне понятнаго волненія и тревоги у лица, изготовляющаго своею рукою подложную подпись и сознающаго, что совершаетъ преступленіе. Въ этомъ случаѣ твердость обычнаго почерка—ни при чемъ. Наоборотъ, трудно предположить, чтобы человѣкъ, пишущій постоянно дрожащимъ почеркомъ, могъ на время такъ дисциплинировать свои физическія и духовныя силы, чтобы совершить подлогъ твердымъ почеркомъ.

Нынѣ каллиграфическая экспертиза все болѣе и болѣе вытѣсняется *фотографической* экспертизой, достигающей иногда поразительныхъ результатовъ. Фотографическій снимокъ передаетъ такіа тонкія и разностороннія подробности, которыхъ никакое увеличительное стекло свѣдущихъ каллиграфовъ обнаружить не въ состояніи. Но обоимъ послѣднимъ видамъ экспертизы грозитъ въ будущемъ опасность: даже фотографическій снимокъ окажется безсильнымъ, когда въ общее и повсемѣстное употребленіе войдутъ пишущія машины и для сличенія останутся лишь подписи, а не самый текстъ разныхъ документовъ и записокъ, писанныхъ заподозрѣннымъ лицомъ. Тогда наступитъ особое развитіе изслѣдованія

¹⁾ „Русская Старина“ 1907.

²⁾ „Русская Старина“ 1908.

слога, стиля и соблюденія правилъ правописанія, изслѣдованія очень сложнаго и весьма отвѣтственнаго.

Въ смыслѣ послѣдняго уже начинаютъ появляться довольно еще рѣдкія работы. Изъ извѣстныхъ мнѣ, самая замѣчательная была произведена въ 1886 году, по дѣлу объ убійствѣ Петина. Въ 1885 году, около Липецка, въ своемъ имѣніи скоропостижно умеръ 60-лѣтній помѣщикъ Василій Петинъ въ весьма подозрительной обстановкѣ. Жившій у него въ домѣ въ качествѣ учителя, студентъ Харьковскаго университета Яковъ Анисимовъ вызвался помогать слѣдователю въ собираніи справокъ и письменныхъ работахъ. Когда, по вскрытіи трупа, обнаружилось, что покойный умеръ отъ отравленія азотно-кислымъ стрихниномъ, онъ высказалъ подозрѣніе, что это произошло отъ ошибочнаго, а быть можетъ и злонамѣреннаго отпуска фельдшеромъ изъ аптеки при земской больницѣ этого сильно-дѣйствующаго яда, вмѣсто обычно принимаемой Петинымъ хины. Произведенными при слѣдствіи обысками въ аптекѣ и у фельдшера было однако съ несомнѣнностью выяснено, что высказанное Анисимовымъ подозрѣніе лишено всякаго основанія. Тогда Анисимовъ заявилъ, что, по его мнѣнію, Петинъ самъ отравился, напуганный исполненнымъ угрозъ анонимнымъ письмомъ, которое тѣмъ сильнѣе на него должно было подѣйствовать, что семейная обстановка его, въ виду ссоръ съ женою и взрослымъ сыномъ, дѣйствовала на него удручающимъ образомъ, а дѣла грозили ему близкимъ разореніемъ. Онъ представилъ и самое анонимное письмо, переланное ему, по его словамъ, Петинымъ, начинавшееся словами: „тебѣ утратившему подобіе Божіе, погрязшему въ гнусномъ развратѣ и леденящихъ душу преступленіяхъ, Каину и извергу давно уже хочется мнѣ сказать нѣсколько словъ“... и заканчивавшееся, послѣ ряда ругательствъ и угрозъ, словами: „я думаю, что на тебя, закоснѣлаго злодѣя, достойнаго висѣлицы, отъ котораго кажется откажется и сама холодная могила, мои правдивыя слова пахнуть змѣинымъ шипучимъ ядомъ, но я увѣренъ, что за подлеца не придется отвѣчать ни предъ Богомъ, ни предъ людьми“. Одновременно съ этимъ и Липецкій уѣздный предводитель дворянства представилъ судебному слѣдователю полученное имъ за два мѣсяца до смерти Петина тоже анонимное письмо, авторъ котораго предостерегаетъ предводителя относительно Петина, будто бы распространяющаго о немъ грязныя и вредныя сплетни и представляющаго собою „гнусный поддонникъ мошенничества“. Въ то же время Анисимовъ, уже допрошенный въ качествѣ свидѣтеля, выразилъ желаніе дать дополнительное показаніе, состоявшее изъ изложенія „краткой біографіи“ Петина, въ

которой покойный рисуется жившимъ на содержаніи у старыхъ богатыхъ женщинъ, расточавшимъ ихъ имущество, и поджигателемъ своего застрахованнаго дома, покупщикомъ краденаго и „чертовски“ развратнымъ...

Между тѣмъ собранныя по дѣлу данныя въ своей совокупности не только оказались идущими совершенно въ разрѣзъ съ предположеніемъ о самоубійствѣ Петина, но изъ нихъ съ несомнѣнностью обнаружилось, что между женою послѣдняго и Анисимовымъ существовала съ трудомъ скрываемая связь, по поводу которой между супругами происходили бурныя сцены, послѣ одной изъ которыхъ, за годъ до смерти мужа, Степанида Петина сказала одной свидѣтельницѣ: „Ну, погоди старый чортъ, я тебя отравлю“.

Это обстоятельство, въ связи съ худо скрываемою ненавистью Анисимова къ Петину, заставило обратиться,—по правилу „is fecit cui prodest“ — къ отысканію уликъ противъ усерднаго добровольца по изслѣдованію причинъ самоотравленія Петина и словоохотливаго его біографа. Явилось подозрѣніе, что письма, полученные Петинимъ и предводителемъ дворянства, исходятъ изъ одного источника, и что таковымъ является Анисимовъ. Внѣшнее сравненіе ихъ съ почеркомъ послѣдняго дало, однако, отрицательные результаты: бумага, чернила, начертаніе буквъ оказались въ обихъ письмахъ совершенно разными. Это не остановило, однако, вдумчиваго и энергичнаго слѣдователя, и онъ рѣшился произвести чрезъ свѣдущихъ людей *литературное изслѣдованіе* этихъ писемъ въ связи съ изложенной Анисимовымъ „краткой біографіей“ Петина. Въ качествѣ экспертовъ были приглашены—извѣстный ученый, профессоръ Московскаго университета Н. С. Тихонравовъ, профессоръ Брандтъ и магистръ Рузскій, представившіе обширную и потребовавшую большого труда работу, въ которой они выяснили *основную идею* всѣхъ трехъ документовъ, — обусловленное ею *содержаніе* ихъ, — манеру *изложенія* и характеристическія особенности *стиля* и *языка* ихъ. Въ общемъ выводѣ, къ которому эти лица пришли путемъ тонкихъ психологическихъ соображеній и сопоставленія текстовъ въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, ими было признано, что оба письма написаны Анисимовымъ съ цѣлью отклонить отъ себя подозрѣніе въ подготовляемомъ имъ отравленіи Петина. Біографія послѣдняго, которую Анисимовъ съ такою готовностью предложилъ пріобщить къ дѣлу, дала, въ своемъ изложеніи и содержаніи, богатый матеріалъ для рѣшительныхъ выводовъ объ авторствѣ его и по отношенію къ письмамъ. Многими глубокими и вмѣстѣ остроумными соображеніями эксперты доказывали, что содержаніе писемъ и біографіи составляетъ развитіе основной

мысли автора, состоящей въ томъ, что не нужно искать виновныхъ въ смерти Петина, что за такихъ подлецовъ никто не долженъ нести отвѣтственности предъ небомъ и людьми и что Петину *слѣдовало* самому покончить съ собою. Они отмѣчали также, что именованіе Петина „отвратительнымъ *поддонкомъ* мошенничества“ встрѣчается въ обоихъ письмахъ, по внѣшности своей исходящихъ отъ разныхъ лицъ, а что излюбленные Анисимовымъ выраженія „сказать еще нѣсколько словъ“, „послужить къ чему-нибудь“, и „змѣный шипучій ядъ“ составляютъ принадлежность и біографіи, и писемъ.

Обращаясь къ общимъ выводамъ о *манерѣ* изложенія и особенностяхъ *стиля* и *языка* во всѣхъ трехъ документахъ, эксперты нашли, что литературные приемы автора рассчитаны на воздѣйствіе на воображеніе читателя: прошедшее событіе излагается какъ развивающееся предъ глазами читателей; для живости рассказа очень часто употребляется выраженіе „и вотъ“... и предложенія послѣ точки начинаются съ союза *и* (напримѣръ: „и когда зачаемъ...“, „и причина его болѣзни“... и т. д.); вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ является скопленіе мѣстоименій третьяго лица въ одномъ и томъ же предложеніи („и послать ему его тебѣ“, „и сталъ ему его объяснять“); періоды отличаются крайней длиннотою, запутанностью и несогласованностью начала съ концомъ; мѣстоименія употребляются неправильно; вмѣсто предлога *изъ* вездѣ употребляется *съ* („мнѣ извѣстно съ телеграммы“, „съ его рассказа стало ясно“) и т. д. Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Анисимовъ упорно отрицалъ свою виновность, — обвиняемая въ соучастіи съ нимъ вдова Петина отзывалась полнымъ незнаніемъ даже очевидно извѣстныхъ ей обстоятельствъ. Оба были преданы суду. Въ день засѣданія, препровождаемая въ зданіе суда вдова Петина отравилась спрятаннымъ у нея ядомъ — *стрихниномъ*. — Анисимовъ судился одинъ и былъ присяжными признанъ виновнымъ въ предумышленномъ отравленіи Петина.

Несомнѣнно, что экспертиза *стиля* и *языка* можетъ играть большую роль не только въ уголовныхъ, но и въ нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлахъ. Къ ней можетъ иногда присоединиться и экспертиза такъ сказать *историческая*, въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется изслѣдовать соотвѣтствіе не одного содержанія, но напр. *стиля*, *слога* и *языка* документа той или другой исторической эпохѣ. Знатокъ исторіи литературы безъ труда опредѣлитъ напр. въ письмахъ и другихъ документахъ, записяхъ и т. п., чѣмъ отличается языкъ и слогъ XVI столѣтія сравнительно съ языкомъ и слогомъ XVII и XVIII столѣтій — уловить разницу въ способѣ выраженія конца и начала XIX вѣка, — отмѣтить слова, только въ извѣстные періоды родной исторіи во-

шедшія въ употребленіе или — наоборотъ — вышедшія изъ него. Онъ скажетъ „это документъ не подлинный, а сочиненный ad hoc потому, что въ немъ событія конца XVII вѣка описываются языкомъ XVI-го,—или же въ этой записи XVII вѣка есть слова, вошедшія въ русскій языкъ лишь послѣ Петра Великаго, что дѣлаетъ ее недосто- вѣрною или, наконецъ—этотъ дневникъ, выдаваемый за подлинный, не можетъ принадлежать современнику Японской войны, ибо его слогъ и языкъ свойственны временамъ фонъ-Визина и Державина“. Такіе историко-литературныя экспертизы бывали уже на Западѣ. Одна изъ нихъ, напримѣръ, касалась писемъ Маріи Антуанеты, приобрѣтенныхъ и изданныхъ Фелье де-Коншемъ и оказавшихся замѣчательно искусною поддѣлкою,—что дало матеріаль Альфонсу Доде для его романа „Безсмертный“.

Надо полагать, что экспертиза московскихъ профессоровъ оказала дѣйствительную услугу правосудію, выведя на чистую воду лукаваго и чрезвычайъ предусмотрительнаго убійцу, но вообще къ такимъ изслѣдова- ніямъ надо относиться очень осторожно. Разсматривая характерныя особенности языка и слога, не надо забывать, что напримѣръ по- вторяемость въ разныхъ документахъ одного и того же слова или выраженія вызывается бессознательной подражательностью,— что служебныя занятія приучаютъ совершенно чуждыхъ другъ другу лицъ выражаться одинаковымъ офиціальнымъ или дѣловымъ языкомъ и что есть, наконецъ, словечки, вторгающіяся въ языкъ такъ сказать эпидемически. На нашихъ глазахъ лѣтъ двадцать назадъ такъ вторглось слово „обязательно“ въ смыслѣ французскаго *certainement*, а послѣ 1905 года рядъ словъ, вызванныхъ движеніемъ политической жизни страны, въ родѣ „кадетъ“, „платформы“, „черносотенство“ и т. п. Кромѣ того, этого рода экспертиза пред- ставляется весьма затруднительною въ смыслѣ компетентности свѣ- дущихъ людей. Конечно авторитетъ Тихонравова и его сотрудни- ковъ стоитъ внѣ сомнѣнія,—но гдѣ взять *такихъ* экспертовъ гдѣ-нибудь въ далекой провинціи или на окраинахъ? не будетъ ли выборъ ихъ слишкомъ произволенъ и случаенъ, и не будутъ ли они, вопреки своей прямой задачѣ, соблазняемы возможностью, выйдя изъ рамокъ своей компетенціи, заняться оцѣнкою уликъ подъ флагомъ оцѣнки стиля и языка?

Мнѣ пришлось, наконецъ, встрѣтиться въ моей судебной прак- тикѣ еще съ особымъ видомъ экспертизы, которую можно назвать *сценическою*. По упомянутому уже мною дѣлу о покушеніи мо- сковскаго нотариуса Назарова на цѣломудріе дѣвицы Черемновой, судебный слѣдователь Московскаго окружнаго суда по важнѣйшимъ дѣламъ, желая опредѣлить, въ какомъ душевномъ состояніи нахо-

дилась Черемнова во время нападенія на нее Назарова, подъ вліяніемъ предшествовавшаго дебюта на клубной сценѣ, пригласилъ въ качествѣ экспертовъ двухъ московскихъ артистокъ — Московскаго Малаго театра М. Н. Ермолову и театра Лентовскаго А. Я. Гламу-Мещерскую — для дачи заключенія по вопросу о воздѣйствіи перваго сценическаго дебюта на нервную систему артистки. Первая изъ нихъ объяснила, что живо помнитъ свои впечатлѣнія отъ перваго дебюта въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, — помнитъ, что ожиданіе этого рокового въ жизни момента такъ волновало и даже страшило ее, что были минуты, когда она даже готова была отказаться отъ появленія на сценѣ; помнитъ также о сильномъ изнеможеніи, въ которомъ она вернулась домой, вызванномъ пережитыми волненіями и продолжительнымъ пребываніемъ на ногахъ во время спектакля. Знаменитая артистка добавила къ этому, что и по прошествіи четырнадцати лѣтъ со времени перваго дебюта, уже достаточно освоившись со сценой, она не можетъ освободиться отъ этихъ волненій и наступающей затѣмъ крайней усталости, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится исполнять тяжелую отвѣтственную роль. Вторая изъ вызванныхъ объяснила, что для артистки вообще, а для нервной и впечатлительной тѣмъ болѣе, первый сценическій дебютъ составляетъ до того важное событіе въ ея жизни, что не забывается никогда. Оно памятно и какъ первый шагъ на новомъ для нея сценическомъ поприщѣ и въ особенности по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя волнуютъ ее при этомъ. Волненія эти, начинаясь съ перваго же момента, какъ только артистка рѣшилась выступить на сцену, преслѣдуютъ ее, постепенно возрастая, вплоть до самаго акта выступленія на сцену, и чѣмъ этотъ періодъ продолжительнѣе, тѣмъ большее томленіе душевное испытываетъ артистка. Нервная система ея за это время напрягается до такой крайней степени, что когда оканчивается спектакль, въ которомъ она участвовала, всѣ физическія силы ея совершенно оставляютъ ее. Артистка прибавила, что она живо помнитъ, что когда послѣ перваго появленія ея на сцену, она пріѣхала домой, — всѣ предшествовавшія ожиданія этого момента и волненія до того потрясли ея организмъ, что разрѣшились страшнымъ нервнымъ припадкомъ. Она вернулась безъ силъ, безъ ногъ, безъ голоса, съ весьма слабымъ сознаніемъ, словомъ, совсѣмъ больная, и ей нужно было нѣкоторое время, чтобы силы снова вернулись къ ней.

Нельзя отказать такой экспертизѣ въ оригинальности и не признать ее интересной. Но болѣе чѣмъ сомнительно считать ее приемлемою вообще и въ качествѣ судебного доказательства въ

особенности. Нельзя, конечно, отрицать, что обѣ артистки въ данномъ случаѣ являлись тѣми лицами, которыя, согласно 326 ст. Уст. Уг. Суд., пріобрѣли продолжительными занятіями въ своемъ искусствѣ особую опытность и спеціальныя свѣдѣнія. Но нельзя не видѣть, что въ данномъ случаѣ ихъ объясненія не могли служить для точнаго уразумѣнія того обстоятельства (ст. 325 Уст. Уг. Суд.), для разъясненія котораго онѣ были вызваны. Приходится признать, что артистки, въ разсказѣ которыхъ объ ихъ впечатлѣніяхъ судебный слѣдователь хотѣлъ найти мѣрило для оцѣнки впечатлѣній другой артистки, полученныхъ при томъ и въ другой обстановкѣ, никакъ не могутъ считаться экспертами въ настоящемъ смыслѣ слова. Онѣ—свидѣтельницы о собственныхъ чувствахъ и больше ничего, могущія лишь гадательно говорить о томъ, что было въ душѣ и съ организмомъ лично неизвѣстной имъ дѣвушки послѣ ея перваго дебюта. Несомнѣнно, что драматическій артистъ или пѣвецъ можетъ подлежать съ пользою для дѣла допросу о техническихъ условіяхъ сцены, объ обязанностяхъ своего званія, о принятыхъ условіяхъ обученія, быть можетъ, даже о распредѣленіи ролей, о распоряженіи костюмомъ, о необходимой бутафоріи, гримѣ и т. д. Но вызывать ихъ для экспертизы чувствъ, способа исполненія, душевнаго настроенія совершенно нецѣлесообразно. Даже и тамъ, гдѣ условія внѣшней природы, гдѣ законы физики и механики одинаковы и точны, нѣтъ возможности по впечатлѣніямъ и ощущеніямъ одного человѣка судить о нихъ же у другого, и вызывать, напримѣръ, водолаза, воздухоплователя или альпиниста для дачи заключенія о томъ, какія впечатлѣнія долженъ былъ переживать другой, занимающійся тѣмъ же, чѣмъ и они. Если для признанія человѣка свѣдущимъ лицомъ имѣютъ значеніе его знанія и опытность въ своемъ дѣлѣ, то не меньшее значеніе надо придавать и тому, о чемъ его спрашиваютъ. Экспертиза чувствъ и впечатлѣній вводитъ изслѣдователя въ область проявленій индивидуальныхъ настроеній подъ вліяніемъ состоянія здоровья, темперамента и цѣлаго ряда почти неуловимыхъ для посторонняго условій и обстановки каждаго даннаго случая. Выводъ свѣдущихъ людей долженъ быть безусловно объективнымъ, тогда какъ такая экспертиза, имѣя чисто субъективный характеръ, неизбѣжно должна приводить къ произвольнымъ выводамъ. При томъ тамъ, гдѣ есть субъективность, тамъ нѣтъ спеціализаціи въ настоящемъ смыслѣ слова, а гдѣ нѣтъ послѣдней, тамъ отсутствуетъ главный элементъ экспертизы. Сами артисты въ одинаковыхъ обстоятельствахъ и роляхъ чувствуютъ себя совершенно различно. Мочаловъ глубоко переживалъ то, что изображалъ на сценѣ, и, потрясши до глубины

души зрителей, нѣкоторое время затѣмъ не могъ сознать себя въ обстановкѣ реальной жизни; по отзыву знакомыхъ съ нею людей, Элеонора Дузе вноситъ столько душевныхъ силъ въ свое исполненіе, что на другой день послѣ представленія чувствуетъ себя совсѣмъ разбитой. И совсѣмъ иначе относится къ своимъ ролямъ Сара Бернаръ и относился знаменитый Каратыгинъ. Оба они вкладывали въ свое исполненіе глубокое и тонко-разсчитанное искусство, но душевно своихъ ролей не переживали. Тѣмъ, кто помнитъ на итальянской оперной сценѣ безвременно погибшую Бозио, и въ тѣхъ же роляхъ неподобную по своимъ голосовымъ средствамъ и искусству Патти, будетъ, вѣроятно, ясна та разница въ душевномъ настроеніи артиста, о которой я говорю. Не надо забывать, что врожденный талантъ и блестящая техника даютъ возможность успѣшно изображать чувство, котораго не испытываешь. Рассказываютъ, что Гаррикъ, находясь въ одномъ обществѣ, на неотступныя просьбы проявить свой сценическій даръ взялъ въ руки подушку, объяснивъ, что это его любимый ребенокъ и, высунувшись затѣмъ изъ окна, какъ бы нечаянно выронилъ эту подушку. Когда онъ повернулся лицомъ къ присутствовавшимъ, оно изображало такое отчаяніе и невыносимыя страданія, что съ нѣкоторыми сдѣлалось дурно, а остальные умоляли его перестать ихъ мучить своимъ видомъ, что онъ со смѣхомъ и сдѣлалъ...

А. Ө. Кони.

